

П Р О З А

Ольга ФЕДОРОВА

Родилась в Рыбинске в 1966 г.

Закончила Ленинградский сельскохозяйственный институт.

Работала агрономом, воспитателем в детском саду, художественным руководителем клуба, продавцом.

«Писать начала поздно, — говорит сама о себе О. Федорова, — после тридцати, когда осознала, что хочу и могу рассказать о жизни в параллельном мире — современной деревне».

Живет в с. Погорелка Рыбинского района.

«Здравствуйте, меня зовут Сережа!»

Рассказы

Маршал

— **М**арь Пална, пока вы гуляли, вам какой-то мужчина звонил! — Верочка хитро улыбнулась.

Верочка — моя нянечка, а я — воспитатель в детском саду.

— Какой мужчина? — не поняла я.

— Молодой и интересный! — Верочка ждала, как я отреагирую на происходящее, успевая при этом проворно раздевать детей.

— А ты в телефон-то так и разглядела, что он молодой и интересный.

— Я по голосу определила. — Верочка явно меня дразнила, но я упорно не поддавалась на провокацию.

— И что сказал молодой и интересный? Представился как или нет?

— Никак не представился, только поздоровался да вас спросил, — Верочка для порядка поругала ребенка, у которого из кармана достала сосульку. — Сказал, попозже позвонит.

— С того и надо было начинать, а ты развела... — Надо же поворчать на молодежь на правах старшей.

«Попозже» оказалось очень удобно — как раз в тихий час, когда можно было спокойно говорить, не боясь, что в это время кто-то у кого-то отберет игрушки, стукнет, толкнет, порвет, покусает...

— Манюня, здравствуй!

Манюня... Так меня называли только в школе. Голос на том конце провода не заставил меня долго теряться в догадках:

— Саня Звягинцев.

— Саня?! Какими судьбами?!

— Долгая история, как я тебя искал, но речь не о том. Помнишь, нынче исполняется двадцать лет, как мы закончили школу...

Господи, неужели двадцать лет! Неужто мы уже такие старые?!

— Нет, конечно, Сань. У меня даже и мысля не шевельнулась.

— А у меня вот шевельнулась. Да мало сказать «шевельнулась»... Короче, мы все собираемся отметить это событие в кафе «Настенька», что у вокзала. Настена Караваева там хозяйкой, так что под ее гостеприимное крылышко... Почти все наши собираются, будешь?

— Санька, какие ж вы молодцы! Ну, конечно, буду!

Я так обрадовалась, что напрочь забыла о главном, но Саня и тут меня упредил:

— Значит, тридцатого к шести, прямо в кафе. И запиши мой телефон на всякий случай — отзовишься, если что.

Я была так рада, что до конца рабочего дня порхала, как бабочка, даже в угол никого не поставила. Но по дороге домой морозный воздух малость отрезвил мою голову. Двадцать лет. Чего я достигла за двадцать лет? Живу в деревне, из-за размолвки с начальством ушла с любимой работы, теперь чужих детей нянчу — для того, чтоб своих прокормить. Корова, куры, мужик, два сына, и все это скопом МЧС: «Малышевы Чокнутая Семейка». У моих одноклассников — у кого кафе, у кого своя фирма, у кого куча звездочек на погонах, а у меня все с нуля и полнейшая неопределенность. Чем хвастаться, что о себе рассказывать?

— А ты расскажи так, чтоб всем стало завидно! — присоветовал мне дома самый главный мой МЧСовец.

— Верно, — согласилась я, вспомнив мудрую присказку о стакане, наполненном наполовину: для кого-то он наполовину пуст, а для кого-то наполовину полон, это ведь как посмотреть.

С такой позиции я и стала о себе рассказывать, когда мы все собрались в «Настеньке». Живу-де не так далеко от города, чтоб не добраться до него при необходимости, но и не так близко, чтоб цивилизация окончательно вытеснила из нашей жизни деревенские прелести. Чистый воздух, по утрам — петух под окном. Зимой печка — и тебе тепло, и тебе огонь, хочешь — топленое молоко, хочешь — хлебушек на поду, а хочешь — каша с пенкой! И все настоящее, свежее, никакой химии. Летом — грибы, ягоды. А сено! Один только дух чего стоит, если на сеновале спать! Ну, а то, что мы — МЧС... А куда идут мужики, если надо технику отремонтировать, топоры насадить, косы отбить? К нам. Куда идут бабы, если надо что-то сшить, связать, подлатать? Опять же к нам. Да просто поговорить, поплакаться в жилетку, посоветоваться? МЧС, оно и в Африке МЧС...

Рассказ получился настолько красочным, что владельцы фирм, обладатели кучи звездочек на погонах, да и простые смертные почувствовали себя ущербными, обделенными, всем захотелось уж если не окунуться, то хотя бы одним глазком взглянуть на жизнь, о которой я так вкусно рассказывала. И все старательно занесли мои координаты в свои записные книжки.

Время шло. Мои одноклассники иногда мне позванивали, иногда и я кому звонила, но в гости что-то никто не ехал. У всех дела, работа, семьи, а до меня все-таки не через дорогу перейти: на машине и то время надо, чтоб добраться. А где его взять по нынешней занятой жизни?

Но теплым июльским вечером в моем мобильнике раздался приятный баритон:

— Манюня! Спаси!

Я сразу узнала голос нашего классного маршала Жоры Квасневского. Он с детства мечтал о карьере военного, его весь класс так и звал: «Жора-маршал», а теперь он, если я не ошибаюсь, капитан.

— Конечно, спасу, родное сердце, о чем разговор.

— Манюня, понимаешь, я с Наталкой своей разругался. Приютишь на выходной?

— Знаешь, я, конечно же, буду рада, если ты приедешь, но ты уверен, что поступаешь правильно?

— Манюня, чтоб кадровый офицер да и не знал, что делает? — Жора всегда был маленько хвастуном.

— Приезжай, кадровый офицер.

— Ой, Манюнь, а как же твой муж?

— А что, кадровый офицер деревенского мужика забоялся? — решила я малость поиздеваться над одноклассником. — Да не бойся, проблем не будет.

— Манюня, ну я тогда завтра же утром и буду.

Мои мужики явно оживились при известии, что к нам приедет Жора-маршал.

— Вот здорово, живого маршала увидим! — обрадовались дети.

— Ну, во-первых, он не маршал, а капитан, а во-вторых, ведите себя прилично, — не то попросил, не то приказал отец.

Солнышко едва вставало над деревней, длинные тени перечеркивали дорогу, мы еще только-только вывели корову, когда к дому подкатила франтоватая серебристая «Тойота». Машина мягко остановилась носом в ворота, и из бесшумно открывшейся двери вышел Жора — большой и могучий, как шкаф, но военную выправку было видно даже в том, как он запирает свою машину. «Для чего? — почему-то подумала я. — Раз машина стоит у дома, к ней никто не подойдет», — и отправилась встречать дорогого гостя.

Жора-маршал в растерянности стоял возле наших полуразвалившихся ворот. Я поздоровалась.

— Пойдем в избу, я тебя молочком с дороги напою.

— Манюня, — вместо приветствия ответил Жора, — это ты в такой халабуде и живешь?

— Не красна изба углами, а красна пирогами, — ответила я, хотя Жоркино замечание меня несколько задело.

— Пироги — это хорошо, но что-то... — Жора мялся, ему захотелось назад, в цивилизацию.

— Хотел посмотреть на деревенскую романтику, ну так иди и смотри.

Жора вздохнул и шагнул за ворота с таким видом, будто его заставили новым лакированным ботинком вступить в коровью лепешку.

Однако через минуту разговор был совершенно другой.

— Манюня, у тебя настоящие деревянные стены! — восхищался он, запивая большой кусок пирога парным молоком прямо из кринки.

— Жора, ну, а ты что хотел?

— Понимаешь, они настоящие, а не облицовка под дерево. Манюня, а лавки-то! Я как в сказку попал, «Три медведя» называется.

— Ага, — поддакнул мой мужик, — сейчас и медвежата с повети свалятся.

— Кто? — не понял Жора.

— Дети наши на сеновале спят, скоро появятся.

— Как «на сеновале»? — не понял Жора. — А дома-то что?

— Жора, ну, ты как маленький, — удивилась я.

— Знаешь, мне много чего довелось в жизни попробовать, но чтоб спать на сеновале...

— Ну, так попробуй, — усмехнулся мой мужик.

— Знаете, ребята, что-то не хочется. Я лучше на кровати, по старинке.

Жора много чему удивлялся. Он долго разглядывал кочергу и ухваты, даже пытался засунуть хват в печку, но при этом чуть не разбил стоящие на столе банки и отказался от своей затеи. На наш деревенский быт он смотрел так, будто попал на другую планету.

— Манюня, лук прямо в грядке! Можно, я сорву? А это что? И его тоже едят?

Жора быстро обвыкся и даже перелез в одежды моего мужика, жалея свой черный костюм и начищенные до блеска модные ботинки. Новый наряд смотрелся на нем нелепо: штаны короткие, а пуговицы на рубахе того гляди оторвутся, но Жору, который всю сознательную жизнь был франтом, это уже не смущало.

— Жора, баньку топим?

— Нет, ребята-демократы, я больше ванну люблю. Пены в нее напустишь, растечешься... — Жора мечтательно прикрыл глаза и наклонился к грядке за ягодкой.

И в это время наш Дружок, постоянно вертевшийся под ногами, наконец-то придумал, чем угодить дорогому гостю. Он подбежал и начал быстро-быстро облизывать Жорино лицо и руки. Бедный Жора побледнел, а потом бросил ягоды и побежал умываться из огородной бочки. Он долго в ней полоскался, плескал себе в лицо, тер его с невероятной силой, облил всю рубаху и, наконец, мокрый и жалкий, предстал перед нами.

— Ребята, может, и правда баньку истопим?

Мне показалось, что смеялись не только мы, но и наш Дружок, и куры за забором.

А потом мы топили баню, и мой мужик долго охаживал «маршала» свежим березовым веником. Дети даже заволновались — уж не захлестал ли папка гостя до смерти?

Но вот распаренные и довольные мужики ввалились в избу и скорее потянулись к ведру с квасом.

— Вечный кайф! — Жора искал глазами, куда бы упасть.

— Падай на диван, — сказала я.

Жора блаженно вытянулся на диване, но потом спохватился:

— А вы?

— Лежи, — успокоил его мой мужик. — Мы пока детей в баню спровадим, да Манюня еще мыться пойдет.

Мужик первый раз в жизни назвал меня Манюней, видимо, подражая гостю, и это получилось у него необычайно ласково.

Ближе к вечеру мы разожгли у старой яблони костер, пели под гитару песни двадцатилетней давности. Песни прекратились только когда костер уже догорел и в остывающем воздухе начал разноситься запах сочного шашлыка. Вот приехал бы Жора весной, соловья бы в нашем вишеннике послушал, а сейчас, родной, только ласточки.

Но Жора был в совершенном восторге. Он уже давно забыл, что он солидный цивилизованный мужчина, кадровый офицер. Он ел шашлыки и с шампурами в зубах плясал вокруг костра лезгинку.

На деревню напоздали сумерки, ложилась роса, замолкали ласточки и начинали свои песни ночные цикады. Запахи остывающего костра и шашлыков смешивались с запахами цветущей маттиолы и душистого табака, воздух казался густым, как кисель. Тяжело разгребая его крыльями, мимо нас пролетел навозный жук.

— Что это? — дернулся Жора.

— Жук-навозник, — солидно ответил младший.

В это время пролетел еще один, и еще... Старший, недолго думая, хлопнул одного ладошкой, гудение прекратилось, жук упал в росяную траву.

— Ух ты! — восхитился Жора, — я тоже так хочу! — И он побежал за очередным жуком, смешно перепрыгивая через грядки.

Минут через пятнадцать Жорины попытки увенчались успехом — он сбил жука! Глаза нашего гостя светились таким счастьем, будто он сбил по меньшей мере вражеский самолет.

— Все говорят, что деревенские дикие, а дикие-то — городские! — с улыбкой произнес младший, совсем не желая обидеть Жору.

Жора улыбнулся так беззаботно, как мы улыбались на выпускном: еще не зная, кого и как жизнь потреплет, и веря, что впереди нас ждет только хорошее.

— Дикие, — сказал он, — совсем дикие. Мальчишки, а можно я с вами на сеновале буду спать?

— Ура! — обрадовались мальчишки. — Дядя Жора перестает быть диким!

Утром ни свет ни заря Жора-маршал скатился с сеновала. Он долго полоскался в огородной бочке, а потом стоял, раскинув руки в стороны, подставляя свой могучий шкафообразный торс восходящему солнышку. У забора горлопанил петух, копошились куры. Звеня цепью, из будки вылез Дружок и завил хвостом.

— Дружка, — потрепал Жора собаку, — я тебе завидую! — И подался в избу.

На столе уже стояло парное молоко и остатки вчерашних пирогов.

— Доброе утро, Жора, что-то ты как рано поднялся?

— Привычка...

— Садись, попей молочка.

Жора послушно приземлился на лавку, принялся жевать пироги, но делал это задумчиво и рассеянно и где-то на середине пирога не выдержал:

— Знаете, мы в городе и вправду одичали. Мы вчера с вашими мальчишками так долго говорили... Я понял, я все понял — нам простоты в жизни не хватает. Мы все пыжимся, придумываем себе ложные цели: престижная работа, дача, машина, положение в обществе. Да зачем такое общество, в котором самим собой быть не можешь? Представляете, если бы я по части за навозным жуком бегал? Да меня бы в «психушку» упекли! В нашем обществе не личность главное, там нельзя быть личностью, там надо быть частью стада... Манюня, когда ты про деревню нашим рассказывала, я еще подумал: «Во вляпалась!» Я и от Наталки-то к вам рванул, чтоб ее потом уколоть: вот, мол, до чего допекла, что даже в деревню от тебя сбежал. Какой я был дурак! Да к вам как в санаторий приезжать надо, душу лечить от нашего цивилизованного маразма...

Жора еще долго произносил речь в защиту простоты в жизни, а мы с моим мужиком сидели рядышком на лавке и улыбались.

Мы-то ведь все это давно уже поняли.

Хутор Малявичюс

Маленький уютный домик под черепитчатой крышей, он почти и не виден с дороги — со всех сторон его окружают яблоневые и грушевые деревья. Это хутор Малявичюс, и добраться до него можно по единственной грунтовой дороге, но не вздумайте этого делать! Хутор охраняет злая собака Алдона, которая показывает свои клыки всем желающим заглянуть за ворота. А еще в сторожах — добродушный кот Ионо. Хозяйева даже не дали ему имени, просто отчество — Ионо, и все. Сторожа живут в мире и согласии друг с другом, а холодными осенними вечерами (ну, вот как сегодня) греются в одной будке.

Хозяйствуют на хуторе тетушка Петря и дядюшка Кястукас. У них трое сыновей. Про девушек в таком возрасте сказали бы «на выданье», ну, а про парней так не скажешь.

На хуторе Малявичюс, кажется, сам воздух пропитан покоем и любовью. Наверное, из-за этого воздуха корова тетушки Петри доит намного больше, чем коровы на соседних хуторах, поросята жирнее, а уж про яблоки и груши и говорить не приходится! Соседи любят заехать на хутор Малявичюс на чашечку чая, поговорить с его обитателями о житье-бытье, откусать ароматного варенья тетушки Петри (наверное, оно такое вкусное из-за воздуха!).

Но сегодняшней вечер тетушка Петря коротает одна — ее мужчины уехали к матушке Кястукаса. Скоро зима, и надо помочь ей утеплить погреб да отремонтировать камин.

На улице сумеречно то ли от того, что действительно уже пора, то ли из-за туч, висящих низко над домом. Дождь занялся с обеда (а дождь с обеда — на три дня, верная примета!) и спутал тетушке Петре всю работу. Поэтому промокшая и очень недовольная погодой тетушка Петря разожгла камин и хотела уже сесть погреться, но вспомнила, что еще не накормила Алдону. Она налила в миску собачьей похлебки, сунула ноги в сапоги и пошла к будке.

— Алдона, иди поешь!

Алдона нехотя вылезла из будки, за ней следом показалась недовольная голова Ионо — грелка и подушка ушли от него!

— Ионо, и ты здесь? — тетушка Петря улыбнулась. — Ну, пойдем в дом, я камин разожгла, погреешься.

Камин! Как Ионо любил камин! Он потерялся об Алдону, как бы извиняясь, и побежал в дом, перепрыгивая через лужи. Тетушка Петря погладила Алдону и пошла вслед за котом.

— День у нас сегодня какой-то несуразный, — пожаловалась тетушка Петря, усаживаясь в кресло. — Вот был бы ты, Ионо, собакой, принес бы мне подушечку под ноги, а так придется идти самой.

Тетушка Петря встала и аккуратно переложила Ионо с колен в кресло:

— Полежи в моем кресле, чтоб оно не выстыло, пока я хожу за подушечкой.

Ионо старательно исполнил просьбу хозяйки, предвкушая долгую и умную беседу у огня. Уж он-то знал все хозяйские привычки!

Тетушка Петря не заставила себя долго ждать. Она опять села в кресло, бережно переложив Ионо к себе на колени, и разместила уставшие за день ноги поближе к огню. Ионо громко замурлыкал...

— Нравится? — начала тетушка Петря беседу, имея в виду камин.

Ионо приоткрыл один глаз и удивленно взглянул на хозяйку, как бы спрашивая: «О чем речь? Конечно, нравится, ведь ни у одного кота в округе нет такого теплого ками-

на и такой доброй хозяйки!» Конечно же, Ионо прихвастнул, но его вполне можно понять, особенно в такой промозглый осенний вечер, как сегодня.

— В городе такого нет. Там батарея, и все тут. Я знаю, я жила в городе. Маленький провинциальный городок, очень далеко отсюда. Очень...

Тетушка Петря задумалась, и воспоминания унесли ее далеко от хутора Малявичюс.

— Знаешь, я, когда в школе училась, без памяти влюбилась в одного парня. Мы с ним вечерами по городу гуляли, разговаривали, мечтали о будущем, целовались где-нибудь за кустом или в темном переулке.

«Ого! — подумал Ионо. — Я бы и не предположил, что моя хозяйка...» Но додумать не успел, потому что тетушка Петря уже продолжила свой рассказ:

— Мы с ним два года встречались, пожениться хотели. А еще учиться: очень не хотелось просто подметать улицы, хотя и это не зазорно. Школу закончили и уехали в нашу столицу, в институт поступать. Думали, будем учиться, а уж там и поженимся. Поступили, только институты-то разные — он в военный, а я... Иногда по выходным встречались, письма друг другу писали. Ах, какие это были письма! Поэмы! Как он умел выражать свои чувства! «...Милый друг, любезная моя Петренька!» Да...

Тетушка Петря замолчала, она, не мигая, смотрела на огонь и задумчиво перебирала кошачью шерсть. Ионо очень хотелось дослушать рассказ хозяйки. А вдруг тем самым парнем окажется его хозяин? Будет о чем завтра рассказать Алдоне!

Но тетушка Петря смотрела и смотрела на огонь, ровно и спокойно горящий в камине, и совсем не собиралась продолжать свой рассказ. Ионо сладко потянулся и принялся громко мурлыкать, пытаясь вывести тетушку Петрю из ее глубокой задумчивости.

— Ах, да... А потом он написал, что встретил девушку... Ну, короче, она там жила, и, женившись на ней, он получал столичную прописку и служить там же оставался. «...А тебя, милая моя Петренька, я никогда не забуду. Прости меня, если сможешь, но мне так хочется остаться здесь, я полюбил этот город... ..А тебе желаю найти мужа доброго и порядочного, потому что ты, мое солнышко, этого заслуживаешь...» Вот так вот, Ионо, променял он любовь на жизнь столичную...

Тетушка Петря незаметно для Ионо смахнула слезу, взялась за кочергу и стала шевелить дрова в камине. Дрова недовольно затрещали и кинули сноп искр прямо к подушечке тетушки Петри.

«Хорошо, что тот парень не стал моим хозяином... Сволочь!» — неожиданно для себя подумал Ионо.

— Так-то, Ионо, — продолжила тетушка Петря. — Я тогда плакала. Подруги, конечно, утешали, я старалась его забыть, очень старалась, но всякий раз, когда я приезжала домой и шла по знакомым улочкам, я вспоминала: вот здесь он сказал мне... вот здесь мы мечтали... вот здесь он меня целовал. Со временем, конечно, сердце уже не щемило, но все равно осталась какая-то тоска, грустинка. Иногда мне это даже нравилось, и я, как заправский мазохист («Ого, ну и словечки в лексиконе моей хозяйки!» — прокомментировал про себя Ионо), бродила по тем местам, где мы с ним гуляли. И в очередной раз, собираясь домой на каникулы, я уже предвкушала и свои прогулки по вечернему городку, и томяще-сладкие приступы грусти. Знаешь, иногда хочется пожалеть себя любимую.

А в те старые советские времена, друг ты мой Ионо, нельзя было просто так прийти на вокзал, взять билет и уехать. Надо было недели за две, а то и за месяц отстоять жуткую очередь в предварительной кассе. Но ведь не распланируешь свою жизнь на две недели вперед, тем более, будучи студентом столичного вуза.

И вот, когда все уже стало ясно с экзаменами, я помчалась в кассу за билетом, но мне досталось место только в общем вагоне. А общий вагон — это, чтоб ты понял, всю ночь сидеть на жесткой лавке. Но я тогда не расстроилась: поезд проходящий, в нашем городке будет около четырех утра, что уж я, до четырех часов на лавке не просижу?

А последним экзаменом у нас тогда было вождение, но прежде чем сдать вождение, надо было сдать экзамен на знание правил дорожного движения. И так уж получилось, что я сдала, а девчонки, с которыми я жила в одной комнате, нет.

И вот я убежала на последний экзамен, а девчонки остались в общежитии и решили напечь плюшек. Экзамен затянулся, я уже нервничала, потому что могла опоздать на поезд. Наконец, все завершилось, я получила водительские права, но, взглянув на часы, поняла, что плюшки мне не светят — я только-только успеваю (если успеваю!) на поезд.

Ионо беспокойно повернулся другим боком к огню — он очень переживал за свою хозяйку. А вдруг она не успеет? Что тогда?

— Девчонки собрали мне плюшек в дорогу, и я побежала, — продолжила тетушка Петря. — Два шага — вдох, три шага — выдох, благо вокзал не очень далеко. Я уже добежала до перрона, слышу — объявляют отправление моего поезда! Я запрыгнула в последний вагон, и поезд тронулся.

— Долго спишь, девонька! — укорила меня проводница.

— Извините, — сказала я, а про себя подумала: «Знала бы ты, родная...». По правде говоря, я тогда и вообще две ночи не спала, да и кто хоть в общежитии много спит во время экзаменов?

«Что это такое — экзамен? — лениво подумал Ионо. — Дождь, снег, град знаю, а экзамен...»

— Поезд потихоньку набирал ход, вагоны тяжело скрипели на стрелках, а я пробиралась к своему вагону. Я проходила купейные, плацкартные, а вот и мой — общий. Пустой. Я посмотрела на билет — место в середине вагона. Интересно, зачем в середине, если везде пусто? Да какая мне разница где, главное — успела.

Я прошла на свое место. На соседнем оказался мужчина — небольшого роста, взъерошенный, лет тридцати—тридцати пяти.

— А я думал, один в пустом вагоне поеду! — произнес он вместо «Здравствуйте».

— Здравствуйте, — сказала я.

— Садись, не стесняйся, — разрешил мой попутчик.

«Было бы кого стесняться», — язвительно подумала я.

«Наверное, это и был мой хозяин», — подумал Ионо, но его и тут ждало разочарование.

— Меня зовут Сергей Петрович, — представился мне попутчик.

— А меня Петря, — ответила я. Ну, не сидеть же буквой, во-первых, а во-вторых, разве дорожное знакомство к чему-то обязывает?..

«До чего же у вас, у людей, все сложно! — опять отвлекся от рассказа тетушки Петри Ионо. — Обязывает, не обязывает... Да вы же вдвоем на целый вагон, кто что узнает?»

Мы с Сергеем Петровичем быстро разговорились, и я узнала, что он младший научный сотрудник в Институте микробиологии, что он очень устал, едет домой в отпуск и мечтает о рыбалке на тихой лесной речке. Я, в свою очередь, рассказала, что учусь в институте, а сейчас еду домой на каникулы и мечтаю выспаться, поесть, а потом походить по своему городку — я по нему соскучилась в столичной-то сутолоке.

— Я сейчас схожу к проводнице за чаем, у меня есть бутерброды — мы с тобой поедем! — Через полчаса пути он уже вел себя так, будто мы знакомы целую вечность. Впрочем, я тоже особо не скромничала.

— Чай — это хорошо, — подтвердила я. — У меня и плюшки есть, девчонки в общаге напекли.

— Хорошие у тебя подруги, — похвалил моих девчонок Сергей Петрович, вставая с места.

Однако от проводницы он вернулся очень быстро и без чая.

— Не дала, — сказал он расстроено, — сказала, в общем вагоне не положено.

— Жаль, конечно, всухомятку жевать не больно хочется. А, может, в соседнем вагоне спросить? — предложила я.

— Я сейчас, — с готовностью сказал Сергей Петрович и тут же отправился в соседний вагон.

Пока он ходил, я разложила на столе плюшки, девчонки мои еще сунули в пакет бутерброды с сыром — целый пир по студенческим меркам!

Сергей Петрович вернулся довольно скоро. Он торжественно нес два стакана чая и весь прямо светился. Пока мы пировали, я узнала, что он едет к матери и ему выходить через три часа после моего городка.

— Я разбужу тебя, если ты уснешь, — пообещал он.

— Спасибо, конечно, но я надеюсь, что не просплю. Хотя, все может быть.

Чай уже был выпит, плюшки и бутерброды съедены, а мы сидели и разговаривали под мерный стук колес и звон ложек в пустых стаканах. На улице уже стемнело, проводница включила было свет, но потом выключила:

— Спите, чего рассиживать-то. Вам вставать завтра рано!

— Ладно, ладно, — пообещал ей Сергей Петрович.

Почему-то у нас с ним нашлось много тем для разговора, хотя мы были совершенно разными людьми. Он увлекался рыбалкой, а мне больше нравились грибы, я любила музыку, а он терпеть не мог концерты и предпочитал кино. Даже по части взглядов на жизнь и нашего в ней предназначения у нас было столько разного! Наверное, поэтому нам и было так интересно.

Я не помню, как я уснула, — все-таки бессонные общежитские ночи дали о себе знать. Помню только, что сквозь сон слышала, как он бережно перекладывал мою голову к себе на колени, как поправлял мои ноги, чтоб им было удобнее лежать, как прикрывал меня своим пиджаком...

— Петруня, проснись, — ласково погладил он мою голову, — тебе выходить скоро.

Я всегда плохо просыпаюсь, а тут я и спала-то всего часа два.

— Петруня! — настойчиво произнес Сергей Петрович. Я открыла глаза и села.

— Извините, я уснула. Спасибо вам... — И вдруг я поняла, насколько мы за ночь сблизились с этим человеком, а сейчас нам придется расстаться. Навсегда. Вероятно, он почувствовал то же самое, потому что с каким-то отчаянным выдохом «Петруня!» привлек меня к себе...

Поезд уже останавливался. Проводница, вероятно, уснула и проснулась только сейчас. Она бежала по вагону, чтоб меня разбудить.

— Девушка, ваша станция!

Сергей Петрович махнул ей рукой, мол, иди, не мешай, мы даже не прекратили своего поцелуя. Проводница понимающе развернулась и через плечо бросила:

— Стоянка поезда три минуты.

— Мы успеем! — уверил ее Сергей Петрович, взял мою сумку и проводил меня из вагона.

— Петруня, я тебя не забуду! — И опять меня поцеловал.

Поезд дернулся. Сергей Петрович поцеловал меня в последний раз.

— До свиданья! — крикнул он уже с подножки вагона.

— До свиданья! — ответила я и помахала ему рукой.

Поезд ушел, последний вагон вильнул огоньками и скрылся в рассветном тумане... Сергей Петрович поехал к матери — рыбачить в тихой лесной речке, а у меня на губах остался вкус его поцелуя. Ласкового, нежного, прощального...

Я шла по улочкам нашего городка, солнце еще даже не вставало, а только просыпалось. Вот здесь мы мечтали... вот здесь он сказал мне... вот здесь он меня поцеловал. Но привычной томяще-сладкой грусти уже не было.

— Так-то, Ионо, — тетушка Петря потянулась за кочергой, — вылечил, верно, меня Сергей Петрович от моей тоски. А ведь мы с ним даже адресами не обменялись.

Тетушка Петря подправила догорающие в камине угли.

— Ладно, Ионо, иди к Алдоне, холодно ей, поди, одной. А я дом запру да и спать лягу. Поздно уже, эка мы с тобой сегодня засиделись!

Ионо послушно спрыгнул с колен тетушки Петри, а она засунула разомлевшие в тепле ноги в тапочки и пошла запирать дом.

«Жаль, Алдону в дом не пускают, я не смогу рассказать ей так интересно, как хозяйка», — думал Ионо, прыгая через лужи, чтоб добраться до будки.

А в маленьком уютном домике под черепитчатой крышей, который почти и не виден с дороги из-за яблоневых и грушевых деревьев, очень долго не гас свет. Верно, тетушка Петря раскладывала пасьянс — она всегда так делает, когда разволнуется.

Здравствуйте, меня зовут Сережа!

Я не пишу писем, потому что не умею писать. Да и писать-то мне некому. Просто бабушка отправила меня спать, а спать мне не хочется, и я лежу в кровати и разговариваю с вами.

Родился я очень давно, потому что не помню этого.

— Ты родился на помойке, — однажды сказала мне Аня. Аня ходит со мной в садик и все знает, потому что мама у нее работает в больнице.

— Моя мама по помойкам не шарится, — ответил я Ане, — и если бы я родился на помойке, она бы меня там не нашла!

Почему-то, когда мама меня нашла, она отдала меня бабушке. Бабушка живет через дорогу от мамы, у нее маленький домик, и вместе с ней живут еще баба Маня, Оля, Настя, Наташа, Ваня и Саша — мамины братья и сестры. Они уже большие, только Настя еще учится в школе, но и к ней иногда приходят какие-то дядьки, пьют вино, долго с ней шебуршатся, а потом курят среди ночи, топчут по дому и уходят.

Я самый маленький, и большие надо мной озоруют. Бабушка, когда видит, застывает за меня, но видит она не всегда.

Я сначала думал, что, если буду хорошо себя вести, мама возьмет меня к себе. Я очень старался, но мама почему-то взяла к себе дядю Вову, а я так и остался у бабушки.

Потом мама нашла где-то маленькую девочку.

— Это твоя сестренка Маша, — сказала она мне, но бабушке ее не отдала, а оставила у себя. Я сначала очень обиделся на Машу — меня нашли первым, это я должен жить

с мамой, а она пусть живет с бабушкой! Но дядя Вова разрешил мне приходить играть с Машей, а в это время я мог видеть маму, и я Машу полюбил. Я уже стал привыкать к такой жизни, но тут и произошло первое Событие — меня отдали в садик!

Все, бабушка моя уснула, и я уже засыпаю, завтра расскажу вам дальше.

Здравствуйтесь, это опять я, Сережа!

Помните, я вчера вам про себя рассказывал? Я не знаю, кто вы, я представляю вас красивой толстой тетей с кучеряшками и с добрым лицом.

Так вот, я хотел рассказать вам про садик. Я очень испугался, когда меня туда привели, и заплакал. Мама ушла и оставила меня одного. Но тут ко мне вышла тетя и сказала:

— Не плачь, Сережа, мама обязательно придет за тобой, только чуть позже. А пока пойдем со мной, будем ждать маму вместе.

Я заплакал еще сильнее. А вдруг мама возьмет к себе и эту тетю, а меня так и оставит у бабушки? Тетя взяла меня на руки, что-то тихо говорила, и я вдруг перестал ее бояться. Она показала мне стульчик, на котором я буду сидеть. Он был маленький и очень удобный. Потом она показала кроватку — чистую, а самое главное, я в ней буду спать один! Показала, где мыть руки, куда писать. Писать надо было в у-ни-таз. Он был белый, чистый и от него хорошо пахло. Я подумал, что тетя озорует надо мной, как Настя или Наташа, и я написал в углу в раздевалке.

Сначала мне в садике не понравилось, а Наташа сказала:

— Не хочешь ходить в садик?

— Нет, — честно признался я.

— Писай в кровать, и тебя больше в садик не возьмут!

Я старался. Я копил все в себе, чтоб в тихий час написать в кроватку. Лежать в мокрой кроватке было неприятно, но мне очень хотелось домой, и я терпел. Тетя ругала меня и каждое утро спрашивала:

— Сережа, ты сегодня опять напишешь в кроватку?

— Да, — честно отвечал я.

Я очень надеялся, что в ответ тетя скажет: Тогда я не возьму тебя сегодня в садик! — но вместо этого она говорила:

— Значит, опять будешь лежать в луже, я опять тебя отругаю, а маме опять стирать твои одежды.

Мама грустно улыбалась, ради нее я готов был на все! Но не ходить в садик хотелось еще больше.

Все, очень хочется спать, поговорим завтра.

Здравствуйтесь, это я, Сережа.

Мы давно с вами не разговаривали, потому что ничего интересного не происходило. А сегодня произошло — Маша согласилась меня защищать. Андрюша меня обижал, он большой уже, а Маша сказала:

— Андрюша, ты невоспитанный, тебе ум надо. Помолись Богу, и узнаешь, что так делать нельзя.

Маша тоже уже большая. Она ходит со мной в садик, а когда пройдет зима и лето, она пойдет в школу. И Андрюша пойдет в школу. А я пойду вместе с Аней через два года, так нам тетя Оля, наша воспитательница, сказала.

Андрюша Богу не помолился, но обижать меня больше не стал, потому что Маша сильнее его. А мне Маша сказала:

— Сережа, если ты будешь со мной дружить, я тебя буду защищать!

Я очень обрадовался и согласился. Мы с Машей играли вместе целый день, она была капитан, а я — капитан-товарищ. Мы с ней ловили бандитов, искали бомбу, это было так здорово! Когда мама пришла за мной в садик, я ей сказал:

— Мама, я очень хочу завтра в садик!

Мама обрадовалась и сказала:

— Очень хорошо, сына, я знала, что тебе понравится! — и опять отвела меня к бабушке.

Я заплакал. Я думал, мама хоть сегодня возьмет меня к себе! А когда бабушка сказала, что пора спать, я обрадовался и решил все рассказать вам.

Как это хорошо, когда у тебя есть с кем дружить и есть кто-то, кто тебя защищает. А у вас есть с кем дружить?

Здравствуйтесь, это опять я, Сережа.

Я дружу с Машей вот уже три дня. Маша хорошая девочка, она очень громко поет на занятиях, а дома у нее есть настоящая фуражка! Мы с Машей решили пожениться, когда вырастем, а сегодня она устроила мне испытание. Она сказала:

— Когда люди любят друг друга, надо это доказать.

Я не знаю, кому и зачем это надо доказывать, но согласился, потому что люблю Машу. Она увела меня в умывалку и стала хлестать полотенцем по лицу. Мне не было больно, мне было очень приятно — ведь это Маша! А тетя Оля, наша воспитательница, все испортила, она наругала Машу и прогнала нас из умывалки. Мне было очень обидно, я чуть не заплакал. Это все равно, что вам дают мороженое, вы его только лизнете, а его уже отбирают. Эх, тетя Оля, тетя Оля, что ты наделала!

— Ты выдержал испытание! — сказала мне потом Маша. — Мы с тобой друзья до гроба!

— До какого гроба? — не понял я.

— Я до голубого, а ты — до зеленого, потому что, когда ты умрешь, у тебя будет зеленый гроб, — пояснила Маша.

Я ничего не понял, но согласился. Маша старше меня, недавно у нее умер дедушка, и про гроб она знает больше.

Здравствуйтесь, это я, Сережа.

Я совсем запутался: вчера Маша говорила, что дедушка умер и его закопали в землю, а сегодня сказала, что он уже на небе и оттуда на нее смотрит. Как же он из-под земли попал на небо?

— Очень просто, — пояснила Маша, — его душу ангел-хранитель на небо поднял, потому что у дедушки был крестик. У кого есть крестик, того ангелы на небо поднимают.

Я тоже хочу на небо, но у меня нет крестика. Когда мама пришла за мной, я спросил ее:

— Мама, почему у меня нет крестика?

— Потому что ты некрещеный, — ответила мама.

— А почему я некрещеный? — опять спросил я.

— Потому что тебя не крестили, — ответила мама.

— Я хочу, чтоб меня ангелы на небо взяли, — вспомнил я Машины слова, а мама почему-то рассердилась.

Наверное, на небе хорошо. Маша говорит, что скоро они с бабушкой к дедушке на могилку поедут, может, дедушка ей про небо что и расскажет. А вы как думаете, на небе хорошо?

Здравствуйтесь, это опять Сережа.

Сегодня целый день идет не то дождь, не то снег. Мы с мамой шли домой, а под ногами — каша. Мама сказала — скоро будет зима. Я уже знаю, что такое зима — это снег, холодно и целый день дома. Вот и сегодня мы не гуляли и весь день были в группе. Мы с Машей сидели в игровом уголке, и она рассказывала мне про дедушку, и как они с ба-

бушкой ездили к нему на могилку. Оказывается, если на могилке что-то сказать, дедушка услышит, а вот ответить не сможет.

— И ты так и не узнала, хорошо ли на небе? — спросил я Машу.

— Узнала. Мне бабушка сказала.

— И что она тебе сказала?

— Что там очень хорошо. Тихо, тепло и цветов много.

Мне тоже захотелось на небо, потому что у нас холодно, дождь и все цветы завяли. Я сказал об этом Маше.

— Нет, сейчас туда нельзя, — ответила она.

— Почему?

— Туда берут только хороших людей, а ты еще маленький и ничего не сделал, и Бог не знает — хороший ты или плохой.

Я задумался. Ведь и правда, как узнать — хороший я или плохой? Когда я помогаю бабушке подметать пол, я хороший, а когда Настины дядьки топают по дому, а я лежу в бабушкиной кровати и представляю, как я их выгоняю, тогда, наверное, я плохой. Неужели Бог всю мою жизнь будет смотреть на меня и запоминать, чего больше — хорошего или плохого?

Здравствуйте, это опять Сережа.

Мы с вами давно не разговаривали, вы меня не забыли?

У нас уже зима, потому что выпал снег. Его еще немного, и трава прямо сквозь него торчит. А знаете, мы в садике, даже когда снег и холодно, ходим гулять. Снег — это так здорово! Мы с тетей Олей лепили из снега бабку, дедку, собаку, медведя... ой, сколько мы всех лепили! А еще тетя Оля сказала, что, когда снега будет много, мы построим горку и крепость и будем играть. Оказывается, это совсем не холодно. Почему бабушка не отпустила меня гулять, когда была зима?

Вообще-то я хотел рассказать не о снеге. Сегодня мама привела в садик мою сестренку Машу, и у меня теперь две Маши — большая и маленькая. Маша-маленькая тоже очень обрадовалась, когда мы пошли гулять, она бегала по снегу и кричала, только не знаю о чем — она ведь не умеет говорить.

Теперь если бы не Андрюша, мне бы и совсем в детском саду понравилось. Маша-большая защищает меня, но Андрюша иногда обижает Машу-маленькую, и она плачет, а ему нравится, когда она плачет. Я сегодня стукнул Андрюшу автоматом, и тетя Оля хотела меня наругать.

— Он Машу свою защищал, — сказала Аня.

— Молодец, сестренку надо защищать, — сказала мне тетя Оля и наругала Андрюшу.

Я Аню не люблю, потому что она все время говорит, будто я родился на помойке. Когда тетя Оля это слышит, она Аню ругает. А сегодня Аня сказала правду, и ни меня, ни ее не наругали. Значит, про помойку все-таки неправда?

Здравствуйте, это я, Сережа.

Мы с вами очень редко стали разговаривать, потому что я быстро засыпаю. А сегодня я не сплю, потому что у нас в садике была елка. К нам приходил настоящий Дед Мороз, Снегурочка, Бармалей, Баба Яга! Еще на праздник пришли мама и дядя Вова, они смотрели, как мы водим хоровод. Я держал одной рукой Машу-маленькую, а другой — Машу-большую, и мне было так хорошо! Ни один Новый год мне не было так хорошо. Мы пели новогодние песни и танцевали, и Дед Мороз подарил нам подарки. Мой, правда, Оля с Наташей дома съели, но я думаю, что он был вкусный, потому что Наташа любит вкусные конфеты. А Маша унесла свой подарок к маме. Если бы она умела говорить, она бы мне рассказала, вкусные конфеты были или нет.

А бабушка дома мне сказала:

— Это еще не настоящий Новый год, настоящий наступит через два дня. Пока ты будешь спать, к нам придет Дед Мороз и всем под елочку положит подарки.

Интересно, а что мне принесет Дед Мороз?

Сегодня Саша с Ваней ходили в лес и принесли оттуда настоящую елку. Мы ее украшали, и я повесил фонарик, который мы в садике с тетей Олей делали.

— Какую гадкую игрушку ты сделал, — сказала Настя, — вся кривая и клеем заляпанная! — И хотела ее снять с елки.

— Оставь, — сказала баба Маня.

Настя обычно не слушает бабу Маню, потому что она уже старенькая, но Саша тоже сказал:

— Оставь! — и Настя оставила.

Если бы вы были всамделишная, вы бы смогли увидеть мой фонарик и сказать мне правду — кривой он или красивый.

Здравствуйте, это я, Сережа.

Сегодня уже Новый год. Вчера еще был Старый, а сегодня уже Новый. Интересно, как они меняются? Наверное, как солдаты на посту. А где? Вы не знаете, где Старый год меняется местами с Новым и куда уходит? Я у Маши спрошу, когда пойду в садик, она, наверное, знает.

Я сегодня проснулся раньше всех и сразу заглянул под елку. Там лежала машинка и шоколадка. Это Дед Мороз мне принес! Я очень обрадовался и, пока Наташа и Оля спали, съел кусочек, а остальное спрятал. Я думал, когда к маме пойдем, я ей дам и Маше дам. А скоро пришел дядя Вова и привел к бабушке Машу! Они о чем-то поговорили с бабушкой на кухне, и он ушел, а Маша осталась.

— Маша пока поживет у нас, — сказала бабушка.

— Почему? — удивился я.

— Потому что мама ваша уехала за братиком, — пояснила бабушка.

— На помойку? — спросил я.

— Почему на помойку? — не поняла бабушка.

— Аня говорит, что нас с Машей нашли на помойке, — теперь уже я объяснял бабушке, — наверное, кому-то мальчик не нужен и его выкинули, а мама подберет.

— Дура твоя Аня, так ей и скажи, — разозлилась бабушка и больше ничего не сказала. Так я и не узнал, куда мама уехала за братиком. И почему Дед Мороз не принес маме братика под елочку, а за ним еще ехать надо. Мне подарок принес под елочку, а маме не принес. Странно.

Здравствуйте, это Сережа.

Я опять не сплю, потому что весь день плачу. Я мальчик, мне стыдно плакать, но слезы сами льются и меня не слушаются.

Сегодня пришел дядя Вова и забрал с собой Машу, взял и меня посмотреть на братика, а потом отвел к бабушке.

— Мама, я не хочу к бабушке, я хочу жить с тобой и с Машей, — сказал я.

— Поживешь пока у бабушки, — сказал дядя Вова.

— Пусть братик хоть немножко поживет у бабушки, — попросил я.

— Ты поживешь! — разозлился дядя Вова.

И когда он привел меня к бабушке, я не выдержал и расплакался. Я плакал в подушку, и она вся стала мокрая, а бабушка сидела рядом, гладила меня по голове и все приговаривала:

— Поплачь, полегче будет. Это я, непутевая, виновата, не надо было ее отговаривать, а теперь вот ты ее грехи расхлебываешь.

Я ничего не понял из бабушкиных слов, и от этого мне стало еще обиднее. Значит, бабушка знает какую-то тайну про нас с мамой, а мне не говорит. Вот вырасту большой и все тайны у бабушки выведаю!

Здравствуйте, это я, Сережа.

У меня беда. Я сегодня пришел в садик, а там только Варя. Представляете, на весь садик мы вдвоем? Все ребята болеют. Сначала заболела Аня. Ее мама приходила в садик, что-то долго говорила тете Оле, а я слышал только «ветрянку».

«Это когда детей ветром сдуло», — подумал я, а тетя Оля сказала Аниной маме:

— Ну, значит, теперь все заболеют.

Мне совсем не хотелось болеть, а Анина мама сказала:

— Не все. Варя и Сережа болели, — и ушла.

И вот прошло три дня, и в садике только мы с Варей остались. Обе мои Маши болеют. Мне их очень жалко, но я ничего не могу сделать. В садике скучно. С Машей было интересно играть, а Варя только рисует. А я рисовать не хочу, я все время думаю о Маше — наверное, ей очень плохо.

— Тетя Оля, а ветрянкой долго болеют? — спросил я воспитательницу.

— Кто как, — ответила она, — бывает, и семь дней, а бывает, и больше.

— Больше десяти? — Я умею считать только до десяти.

— Бывает, и больше десяти, — ответила тетя Оля.

— А Маша? — спросил я о самом главном.

— Маша скоро придет, потому что давно болеет.

— Завтра?

— Нет, еще не завтра, но уже скоро.

Я ушел в игровой уголок и стал ждать. Хорошо бы Маша поскорее пришла, а Андрюша болел бы долго. Я весь день об этом мечтал, пока мама за мной не пришла. Мама отвела меня к бабушке, но сегодня мне было все равно, куда идти, и я не плакал. Я маму очень люблю, но сегодня я почему-то подумал:

«Наверное, меня и в самом деле нашли на помойке, если мама не хочет, чтобы я жил с ней».

Здравствуйте, это я, Сережа.

Сегодня я опять плакал. Саша говорит, что настоящие мужчины не плачут, а я плакал. Значит, я не мужчина? Может, меня потому и на помойку выкинули, что я ненастоящий?

Я сегодня пошел к маме поиграть с Машей, а дядя Вова меня не пустил. Он, наверное, очень устал на работе, потому что качался. Он очень громко сказал маме:

— Твой гаденыш пришел! Гони его, чтоб им здесь и не пахло! — И добавил нехорошие слова.

Мне стало очень обидно: от меня не пахнет, меня бабушка вчера в баню водила! А мама ему ничего не ответила, она вышла ко мне и сказала:

— Иди к бабушке, Сережа, завтра приходи.

— Мам, ну можно я чуть-чуть с Машей и Витей поиграю? — попросил я, но мама почему-то рассердилась.

— Иди к бабушке, кому сказано! — прикрикнула она.

— Мама! — заплакал я, но тут опять вышел дядя Вова.

— Ты еще здесь? — спросил он, и мне вдруг стало страшно. Я втянул руки в рукава и пошел к бабушке.

— Чего ревешь? — спросила Наташа, как только я вошел в избу, но я не мог ей ответить — слезы мешали.

Из комнаты вышла баба Вера.

— Ну что ты к нему пристала? — поругала она Наташу, а мне сказала: — Раздевайся, не плачь. Вон руки-то совсем холодные — пойди хоть у печки погрей.

Я залез на печку, там было тепло, и я уснул. Наверное, мне приснился красивый сон, потому что, когда я проснулся, я уже не плакал. Баба Вера наводила поило корове, значит, уже вечер. Я выглянул в окно — Саша колот дрова, Ваня их складывал, ни Оли, ни Наташи, ни Насти в избе не было.

— Проснулся? — спросила баба Вера.

Мне вдруг стало уютно-уютно, я даже подумал, что не нужна мне мама, мне и с бабой Верой хорошо, но потом испугался и от испуга спрятал лицо в бабин передник.

— Ну, что ты? — погладила меня по голове баба Вера, — пойди хоть молочка попей, с утра ведь не евши.

Я пил молоко, а бабушка гладила меня по голове и приговаривала:

— Ешь, бедовый ты мой.

И я опять подумал, что хорошо мне с бабой Верой, особенно, когда Наташи дома нет. И я решил больше к маме не ходить — с Машей я в садике поиграю, а Витя еще совсем маленький. Но на этот раз я не испугался, а вроде как и обрадовался, мне стало легко, будто я тяжелую одежду снял. А у вас есть мама?

Здравствуйте, это я, Сережа.

Мы с вами очень давно не разговаривали, даже не знаю и почему. А сегодня мне захотелось с вами поговорить. Вы меня еще помните?

Знаете, когда дядя Вова меня прогнал, я к маме больше не ходил. Мама приходит за нами с Машей в садик и обычно спрашивает: «Как дела, сына?» — а потом отводит меня к бабушке, и мне всегда кажется, что ей совсем не интересно знать, как мои дела, и я отвечаю: «Нормально».

Тетя Оля в садике тоже по утрам спрашивает: «Как дела?», и мы ей все-все рассказываем, потому что она добрая, она слушает, смотрит в глаза и улыбается. А мама... Ну, вот, я опять плачу. Давайте, я вам лучше про Машу расскажу.

Знаете, мы с Машей так и дружим, мне с ней интересно. Вот сегодня на прогулке она показывала, как одна тетя с палкой танцевала. Она поздно вечером кино смотрела и видела. Тетя взлетала над палкой, и извивалась вокруг, как змея, и снимала с себя одежду. Наверное, ей жарко было. Не знаю, как тетя, а Маша мне понравилась, у нее очень красиво получалось. Только одежду она не снимала, потому что еще холодно, еще снег не весь растаял.

Маше часто разрешают смотреть кино вечером, поэтому она знает много интересного. Иногда мы с ней вдвоем сидим на лавочке, и она мне рассказывает. Представляете, только мне, даже Варе с Андрюшей не рассказывает.

Когда я вырасту большой, я обязательно буду поздно ночью смотреть телевизор. А вы смотрите телевизор поздно ночью? Или вы ложитесь спать после «Спокойной ночи, малыши»?

Здравствуйте, это опять я, Сережа.

Сегодня у нас в садике был праздник — Мамин день. Тетя Оля сказала, что в этот день поздравляют не только мам, но и бабушек, и сестренек, и просто девочек — всех тетенок.

— А у меня собака Нэнси, у нее щенки — значит, она мама. Ее тоже поздравлять надо? — спросила Варя.

- Нет, поздравляют только людей, — ответила тетя Оля, — а твоя Нэнси — собака.
- А у собак тоже есть праздники? — спросил я.
- Есть, — ответила тетя Оля, — только они людям об этом не говорят.
- Потому что говорить не умеют, — сказала Аня.
- Может быть, — улыбнулась тетя Оля.

Я сегодня Маше подарил подарок — конфету «подушечку». Они у бабушки в сахарнице лежат. Сначала я хотел взять без спросу, а баба всегда говорит, что без спросу — это воровство, а я не хочу быть вором, и я спросил. Баба дала мне конфетку, я завернул ее в бумажку и спрятал в карман, а в садике подарил ее Маше.

- Спасибо, Сережа, — сказала она, — ты настоящий друг!

Мне стало очень хорошо. Я на утреннике улыбался, и очень громко пел, и стихи свои громко рассказывал. После утренника тетя Оля меня похвалила.

А еще мы сегодня делали открытки в подарок мамам, а тетя Оля их подписывала, потому что мы сами писать не умеем. Аня попросила написать «Дорогой мамуле», Варя — «Милой мамочке», Андрюша — «Моей маме», а я попросил написать «Бабе Вере». Тетя Оля спросила:

- А почему не маме?

И я ответил:

- Потому что я хочу бабу Веру поздравить!

У тети Оли глаза стали грустные, и она сказала:

- Как хочешь, — и подписала.

Наверное, тетя Оля знает, что я уже давно не хожу к маме. Как это плохо, когда мама есть, а жить с ней нельзя!

Здравствуйте, это я, Сережа!

У нас уже совсем весна — снега нет, из-под листьев трава начинает вылезать, как маленькие зеленые ножички. Это мне Маша сказала, она и правда на ножички похожа, только не режет.

В последнее время я очень часто грущу. Мы с тетей Олей готовим новый утренник, называется «Выпускной бал», а это значит, что скоро Маша и Андрюша уйдут в школу. Защищать меня будет некому, но ведь и обижать тоже некому! Лучше бы уж Андрюша меня обижал, и Маша была бы рядом, а теперь как я без нее? В садике я всегда рядом с ней, я иногда даже в тихий час просыпаюсь, сажусь к ней на край кровати и смотрю, как она красиво спит. Я почему-то всегда боюсь, что Маша не проснется, мне хочется ее потрогать, побудить, но что-то меня останавливает.

Андрюше очень хочется в школу, он однажды даже тете Оле сказал:

- Вы мне все надоели, я вас не люблю!

Тетя Оля как-то странно улыбнулась и спросила:

- А кого ты любишь? Ты маму любишь?

Андрюша сначала немного подумал, а потом ответил:

- Нет!

- А папу?

- И папу не люблю!

- А кого же любишь-то? Себя?

Андрюша сразу стал такой довольный, будто целый пакетик конфет съел:

- Да, себя я люблю! — и ушел в игровой уголок.

Андрюша очень старается, когда мы учим песни для утренника, потому что он думает, чем скорее будет выпускной бал, тем скорее он уйдет из садика. А я не стараюсь. Пусть Андрюша останется в садике, пусть он меня обижает, лишь бы Маша была со мной.

Как вы думаете, если я буду плохо петь, утренник отложат? Я всех ребят подговорю, чтоб они не пели и баловались на музыкальных занятиях.

Здравствуйтесь, это Сережа.

Я сегодня плачу весь день. Утром я капризничал, и баба Вера ругала меня, пока мы собирались в садик. Она даже подумала, что у меня температура, и трогала мой лоб. Эх, баба Вера, баба Вера, температура тут ни при чем: сегодня у нас в садике выпускной бал.

Я разревелся прямо на утреннике. Маша стояла со мной рядом такая красивая! У нее была прическа, как у принцессы, и большой бант, мне казалось, что все смотрят только на нее. Конечно, все наши девочки сегодня красиво одеты, но Маша... И как только я подумал, что уже завтра она не придет в садик, я заплакал. Мама вышла от зрителей и взяла меня к себе. Она гладила меня по голове, а я плакал еще сильнее. Я вдруг вспомнил, как дядя Вова прогнал меня и мама не заступилась, представил, что Машу больше не приведут в садик... Я любил маму, любил Машу, а теперь останется только баба. Но ведь это баба. Наверное, меня и правда нашли на помойке, если я никому не нужен.

Здравствуйтесь, это я, Сережа.

Мне было очень скучно, и я с вами не разговаривал. А сегодня я веселый: тетя Оля сказала, что завтра у меня будет день рождения! Пять лет! Целых пять, это как пальцев на руке! Я уже буду большой и скоро тоже пойду в школу.

Я знаю, что на день рождения дарят подарки. Интересно, что мне подарят? Я очень хочу, чтобы к нам пришла мама, пусть даже и с дядей Вовой. Они подарят мне велосипед. У него будут большие колеса, блестящий руль и звончок. Он будет очень громко звенеть, и все прохожие будут удивляться:

— Кто это едет на таком красивом велосипеде?

— Кто этот большой мальчик?

А я буду улыбаться, со всеми здороваться. И обязательно покатаю Машу — я ведь буду уже сильный, пять лет! И сестренку Машу покатаю, и Витю, и бабу Веру. Наверное, я и маму покатаю, я еще не решил, а вот дядю Вову не буду. Пусть ногами ходит. Я бы и вас покатаю, но ведь вы невзаправду. А может, вы где-то есть, и просто мы еще не встретились? Тогда мы с вами встретимся, обязательно встретимся.

Я сначала хотел, чтобы мне большой торт купили, чтоб и Оля и Наташа наелись и нам бы с бабой Верой хоть чуть-чуть осталось. Но если мама подарит мне велосипед, мне даже и торта не надо. Скорее бы наступило завтра!

Здравствуйтесь, это снова Сережа.

На день рождения к нам пришли мама, и дядя Вова, и Маша-сестренка, и даже Витю принесли. И мне подарили велосипед! С большими колесами, с блестящим рулем, со звончком — совсем такой, о каком я мечтал! Я хотел сразу же пойти покататься, но мама сказала:

— Сына, я еще торт принесла. Давай чаю попьем!

И баба Вера сказала:

— Сережа, это к тебе гости пришли, хоть немного побудь с ними.

Я только хотел спросить: «Какие же это гости? Это же моя мама, и сестренка, и братик!» — но в это время дядя Вова прошипел:

— Чей день рождения, гаденыш? Дома сиди, тебе сказано!

Я чуть было не заплакал, но вспомнил, что мне уже пять лет, что я большой, и ушел в комнату.

Потом мы сидели за столом и ели картошку с грибами, а дядя Вова и Саша с Ваней пили водку. А потом вдруг дядя Вова схватил Машу, так что она даже заплакала, и стал

кричать, что он ее любит, а маму и меня называл нехорошими словами. Баба потихоньку вывела меня из-за стола, помогла вытащить велосипед на улицу и сказала:

— Пойди, покатайся! Только осторожно — не выезжай на дорогу.

Я так обрадовался! Я даже забыл про слова нехорошие, какие дядя Вова про нас с мамой говорил. Я катался вдоль по деревне и звонил в звоночек, и люди смотрели на меня. И я решил поехать к Маше и покатать ее. Я выехал на дорогу и посильнее нажал на педали. Как я мчался! Я очень торопился, ведь я ехал к Маше! Мне оставалось совсем чуть-чуть, как вдруг кто-то сильно толкнул меня, и я упал.

Меня подняли два ангела. В белых одеждах и с крылышками. Они стали поднимать меня вверх, все выше, выше...

— У меня нет крестика! — честно сознался я.

— Это неважно, — ответил один из них.

Я не смотрел вниз, потому что боялся. Я смотрел только вверх.

Ангелы принесли меня в сказочную страну. Здесь тихо, тепло и очень много цветов. Я встретился с Машиним дедушкой. Он и вправду очень добрый, знает много интересного. Мы с ним подружились и целыми днями сидим и смотрим на Машу.

Мы ведь оба ее любим.